

И снова "Дон Кихот"

Никита Долгушин показал свою версию знаменитого балета

Культура. — 2005. —
1 июня. — С. 13

Сцена из спектакля

Автор новой редакции "Дон Кихота" — руководитель балетной труппы Санкт-Петербургской консерватории Никита Долгушин. Знаток балета золотого и Серебряного века не устает доказывать, что классика должна быть живой. Можно не соглашаться с его прочтением "Лебединого озера", "Спящей красавицы" или "Щелкунчика", но нельзя не увидеть в них смелой режиссерской мысли, свежего художественного решения,

открывающих в известном нечто новое.

Музейную пыль Долгушин решительно стряхнул и с "Дон Кихота". Прежде всего он сделал спектакль более компактным, заменив четырехактную конструкцию двухактной. Три первые картины — "Площадь Барселоны", "Цыганский табор" и "Сон Дон Кихота" составляли первое действие, "Кабачок" и "Свадьба" — второе. Некоторая перекомпонов-

ка произведена и внутри картин (балет-концерт допускает подобное), заново сочинено несколько танцев (среди них — Цыганский, Фанданго). Все эти тактические ходы служат главной стратегической задаче — максимально динамизировать действие, приблизить его к тому, что с таким блеском осуществил в начале XX века Горский.

Обитатели балетной Барселоны раскованны и активны, особенно

взбуждена стайка поварят, добровольных помощников трактирщика Лоренцо. Шустрая детвора сует по всей сцене, крутит "колеса" и не оставляет без внимания ни одного события в жизни взрослых. Даже во время массовой сегидильи поварята то и дело проносятся между шеренгами танцоров. Долгушин идет на этот довольно рискованный шаг, чтобы усилить эффект спонтанности действия (разумеется, строго рассчитанного). В его спектакле первая картина, следующая за небольшим прологом, открывается именно сегидильей, которая задает тон всему остальному.

Дух импровизации ощутим и в трактовке пантомимных персонажей. Денис Лозовой (Лоренцо), Илья Голуб (Амаш), Алексей Мисаженков (Санчо Панса) с явным удовольствием погружаются в стихию комедийного гротеска, останавливаясь у той черты, за которой начинается пародия. На редкость колоритен Дон Кихот Павла Яковлева — двухметровый верзил с мощным телом старика, глазами наивного дитяти и сердцем пылкого юноши. Пришелец из легендарных рыцарских времен пребывает в состоянии сомнамбулической грезы и даже зрительно как бы парит над миром, где царит веселая житейская суета.

В стране солнца и свободы важны не знатность, не богатство, а дар жизнелюбия. Героями народного праздника становятся Уличная танцовщица и тореро Эспада, дочь трактирщика Китри и цирюльник Базиль, странствующий рыцарь и его оруженосец. Игровую природу спектакля, его демократический дух Долгушин

подчеркивает действиями безымянных персонажей из толпы, куда более инициативных, чем на академической сцене. Премьерских кутурнов лишены и главные герои: Китри и Базиль жестикулируют, как подобает людям из народа, и превосходят других только богатством танцевальной речи.

Ну вот мы и подошли к главному — ведь как бы ни были выразительны актеры, как бы ни бурлило действие, праздничную тональность "Дон Кихота" определяет искрометность танца. Многообразие танцевальных номеров, в которых исполнители должны блеснуть виртуозностью, опалить темпераментом, и влечет зрителей к этому вечно молодому балету. Как же справилась с хореографией, рассчитанной на первоклассных мастеров, скромная труппа Долгушина, не располагающая звездами первой величины? Как ни удивительно, справилась достойно.

Два премьерных спектакля танцевали разные пары (подобранные, видимо, по цвету волос): брюнеты Наталья Башкирцева — Камиль Нурлыгаянов и шатены Татьяна Котченко — Дмитрий Лысенко, притом все четверо — миниатюрного сложения, что в нынешнем балете почти не встречается. Танцу балерин сначала не хватало широты и смелости. Но постепенно входя во вкус, обе Китри набрали к финальному па де де нужных эмоциональный градус. "Бисерная" вариация в темпе престо сверкала у них острыми гранями, а тридцать два фуэте, столь дорогие сердцам зрителей, заслужили дружную овацию зала. Не подкачали и оба Базиль, с азартом взявшие высоты

виртуозного танца 1, несмотря на легкий вес, показавшие эффектную силовую поддержку. Среди солистов отличились Наталья Гыкова — прелестный Амур, Эва Гржибовская — Уличная танцовщица, владеющая секретами обольщения, Юлия Белавина и Анна Самострелова — цветочницы, непринужденно исполнившие труднейшие вариации. Роману Кадикову — картинному Эспаде — не мешала бы большая естественность, какой подкупают артисты кордебалета, поразившие еще и культурой ансамблевого танца.

Публика приняла спектакль восторженно, долго не отпускала артистов. И дело не только в премьерном ажиотаже. Спектакль Долгушина "заводит" зрителей, заражает безотчетной радостью, потому что несет в себе заряд оптимизма. Полностью открытая сцена кажется пронзанной солнцем. Никаких архитектурных мотивов: только полоска моря, ширь неба с бьющимся на ветру парусом и гирлянда разноцветных флажков (сценография — Татьяны Ястребовой). На светло-голубом фоне красками радуги играют костюмы (художник — Н. Долгушин). Зрелище яркое, будоражащее, как лучезарная музыка Минкуса, так и подминаящая пуститься в пляс.

В день премьеры небо в Петербурге по обыкновению хмурилось, моросил дождь, но в театре консерватории грустных лиц не наблюдалось, что и понятно: балет "Дон Кихот" и хандра — вещи несовместимые.

Ольга РОЗАНОВА
Фото Натальи РАЗИНОЙ
Санкт-Петербург